СОДЕРЖАНИЕ

От автора 8

Введение 10

Торговцы и товар 13

Коллективная память 30

Кавказская война 39

Между Россией, Англией и Османской империей . . 45

Беглые русские солдаты 67

Казаки и казачьи нашествия 72

Абхазия и крепость Сухум-Кале 76

Грузины и Батум 79

Черное море и цены на рабов 86

Вынужденные переселенцы 91

Берлинский договор и Эпоха второй Конституции . 109

Черкесское общество взаимопомощи 121

Петиция 1910 года 125

«Против рабства»,
или Долгий путь к освобождению 129

«Власть рабынь» 142

Падение спроса на белых рабов 160
Белые рабы в контексте османского ориентализма . 166
Что происходило на пути к рынку 175
Сексуальное рабство 179
Имперская семейная традиция 183
Тихие перемены 194
Армяне и греки на закате Османской империи . . . 211
Конец воспроизводства белых рабов 224
Этхем-черкес и белые рабы 227
Закон о фамилии 237
Когда рабов для продажи не осталось 239
Эволюция белого рабства 242
И вот свобода стала неизбежной 251
Нарратив рабства 260
Пять голосов 296
Заключение 302
Краткая библиография 306

— Бабуль, если бы мы приехали в Россию, никто не спросил бы у тебя паспорт. Скажи, мы что, русские?

— Не говори об этом, сынок, это грех!

— Ба, ну ответь уже...

Она ушла из этого мира, так и не успев ответить.

Те, кто успел, говорят на страницах этой книги...

ОТ АВТОРА

Посвящаю эту книгу светлой памяти сотен тысяч безымянных угнетенных людей, которые были похищены, разлучены со своими семьями и проданы, чья личность была сломлена, чьим принудительным трудом пользовались другие, — всем тем, кто подвергся преследованиям и насилию.

Выражаю глубокую благодарность сотням людей, с которыми мне довелось беседовать за последние 33 года — с момента моей первой встречи с потомками белых рабов до написания диссертации, а вслед за ней — и этой книги. Благодарю всех, кто согласился поделиться своими воспоминаниями на столь чувствительную тему, о которой большинство не хочет ни вспоминать, ни говорить. Я признателен вам за то, что ваши свидетельства пролили свет на те смутные времена — вопреки молчанию тех, кто предпочел обо всем забыть.

Приношу особую благодарность своим учителям — профессору Бюленту Бильмезу, доценту Башак Туг и профессору Улаш Сунате, профессору Эролу Кероглу, сподвигшему меня на работу над монографией и написавшему предисловие к турецкому изданию. Также приношу мою благодарность доктору Зейнелю Абидину Бесленею, Эльмас Зейнеп Арслан, доктору Селиму Ахметоглу, Айше Атчи, консультировавшим меня и облегчившим мне работу своими комментариями. Хочу выразить безмерную благодарность моим

почтенным старшим товарищам, которые поделились со мной воспоминаниями: Афешижу Эмину, Хикмету Албайраку и Ханефи Аккану. Благодарю мою жену Сельву Четао и дочерей Жансерей, Симазе и Сетенай за терпеливую поддержку на протяжении многих лет.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена теме торговли людьми. Поток рабов на Ближний Восток и в Средиземноморье шел из Восточной Европы и с Кавказа — регионов, где на протяжении XIX века вовсю торговали людьми. В 1987 году я впервые узнал об этом, с 1996 года начал собирать личные свидетельства потомков и воспоминания о том, как это происходило, как жили белые рабы и их потомки в Османской империи и в образовавшейся в 1923 году Турецкой Республике.

Рассказы, приведенные в этой книге, свидетельствуют о том, что торговля белыми рабами продолжала подпольно существовать до 1940-х годов, а люди, проданные в тот период, жили среди нас вплоть до 1990-х. На материале собранных мною архивных документов и устных свидетельств мы можем получить детальное представление о том, как формировалось восприятие белых рабов в турецком обществе, и о тех трудностях, с которыми столкнулись эти люди на пути к свободе. В книге также анализируются жизненный опыт, практики выживания и процесс эмансипации последних поколений белых рабов, количество которых исчислялось сотнями тысяч.

Стамбул, август 2021

ВВЕДЕНИЕ

Институт рабства существует столько же, сколько само человечество, в той или иной форме оно существовало во все времена и по всему миру. Эта книга посвящена рабам и рабыням из России, Украины, Черкесии, Грузии и Абхазии, откуда шел основной поток рабов в Османскую империю, влиянию белого рабства на социальную структуру Османской империи на этапе вестернизации, к моменту запрета работорговли (1911); в этой работе я также показываю последствия практики рабовладения с 1923 года и до наших дней.

Внимание к этой теме исследователей, в том числе мое, привлекли работы Лейлы Нейзи, Айше Гюль Алтынай и ее соавтора Фетхие Четина, а также Октая Озеля, за что я очень им признателен. При этом мою работу отличают три ключевых особенности. Во-первых, в качестве основного источника я использовал данные устной истории: с 1996 по 2019 год я записал около двухсот интервью, посвященных теме белого рабства. Во-вторых, важно то, что эти устные сведения собраны человеком, находящимся внутри сообщества. Признаюсь, привилегия быть «своим» давала мне свободу побуждать рассказчика быть откровенным, используя фразы вроде: «Даже если вы мне об этом не расскажете, я и так это знаю и все равно включу в свою книгу».

Наконец, в-третьих, мне было важно сделать предметом дискуссии термин «черкесский раб». В свете

архивных данных и устных свидетельств я пришел к выводу, что более точным термином для этой большой группы бесправных людей будет термин «белые рабы». К рабам, купленным на Кавказе (из числа русских, казаков, украинцев, черкесов, грузин, абхазов и абазин), после 1850 года добавились вдовы и сироты армянского, болгарского, реже греческого происхождения, попадавшие в рабство в периоды войн и восстаний. И большинство из них были проданы османскими торговцами как «черкесские рабы». Это стало одной из основных причин заблуждений исследователей. Люди, которых я называю белыми рабами, представляют собой большое сообщество восточноевропейского, кавказского или смешанного происхождения. Не столь важно, откуда они родом, потому что они гораздо больше, чем этнос, к которому принадлежат, поскольку являются носителями всего наследия белых рабов.

Устная история не только является альтернативой классическому подходу к изучению истории, она открывает новые возможности для лучшего ее понимания. Дополняя официальные источники свидетельствами очевидцев, она разрушает ряд созданных письменной историей мифов. Британский историк Пол Томпсон в своей книге «Голос прошлого» говорит:

> *Устная история наполняет жизнью историю как таковую. Она позволяет найти героев не только среди вождей, но и среди безвестного большинства*

народа. Она способствует контактам — а значит, и взаимопониманию — между социальными классами и поколениями. А отдельным историкам и тем, с кем они делятся мыслями, дает ощущение принадлежности к определенному месту и времени. Устная история бросает вызов общепризнанным историческим мифам, авторитарности суждений, заложенной в научной традиции. Она способствует радикальному пересмотру социального смысла истории, возвращает людям их историю, рассказанную их же словами. Возвращая прошлое, она также нацеливает их на построение будущего.

Я постарался вернуть моим героям их историю и обрести с ними общее будущее. Меня всегда занимал вопрос, как события того периода повлияли на последующие поколения в человеческом и социально-политическом плане, и как этот след проявляется в сегодняшнем контексте и что происходит в момент, когда нынешние потомки белых рабов сталкиваются лицом к лицу с прошлым своих семей.

ТОРГОВЦЫ И ТОВАР

Торговля белыми рабами, насчитывавшая тысячи лет, была одним из основных источников дохода в Крыму и на Кавказе. В середине XVI века крымский хан Сахиб I Герай в походах против черкесов захватывал в год, согласно придворным источникам, около 10 тысяч человек. Основными портами для экспорта рабов служили Кафа (Феодосия), Азов, Тамань, Анапа, Геленджик, Сухум-Кале и Батум (позднее все они вошли в состав Российской империи). Несмотря на то, что до XV века торговля рабами из России, Крыма и Кавказа формально находилась под контролем Византии, фактически она осуществлялась венецианцами и генуэзцами, а в момент установления османского владычества полностью перешла в руки генуэзцев.

Итальянский историк Джорджио Комаи утверждает, что мать Леонардо да Винчи была черкесской рабыней, которую, как и сотни тысяч других рабов, привезли в итальянский порт на корабле из Крыма или с Кавказа. Некоторых рабов через те же порты отправляли вглубь Европы. В Тоскане вплоть до конца XIV века трудно было отыскать человека, не имевшего хотя бы одного раба. Итальянские невесты получали рабов в качестве приданого, врачи принимали их в качестве оплаты. В XIV и XV веках в Италию привозили рабов, принадлежавших к самым разным этническим группам: среди них были татары, русские, черкесы, албанцы, болгары, армяне;

рабов также везли из Африки и с Канарских островов. Прибывшим в Италию рабам давали христианские имена, а затем крестили.

Османы и крымские татары, чье господство на Черном море пришло на смену господству итальянских купцов, продолжили работорговлю, отправляя теперь рабов не в Европу, а главным образом на Ближний Восток и в Северную Африку.

Поначалу география приобретения рабов в Османской империи повторяла карту маршрутов военных походов и завоеваний. В XIV веке это были южные славяне и греки, а в XVI–XVII веках география расширилась и распространилась на Австрию, Венгрию, Украину, Польшу, Россию, Иран и страны к югу от Сахары; в XVIII–XIX веках на невольничьих рынках Османской империи торговали уже абхазами, грузинами, черкесами и другими кавказскими народами.

Согласно представлениям, бытовавшим в Восточном Средиземноморье, белые народы, приходившие с севера, были предпочтительнее народов, прибывавших из Африки южнее Сахары. Эти представления не изменились и в XIX веке. Высокий спрос на белых рабов, как мужчин, так и женщин, наблюдался в богатых домах не только Стамбула и Анатолии, но также Александрии, Салоников, Джидды, Триполи, Туниса и даже Алжира.

К середине XIX века самое яростное сопротивление запрету на рабство оказывали некоторые кавказские феодалы, занимавшиеся работорговлей, и улемы, то есть правоведы и богословы, в Джидде. Первые

утверждали, что это их устоявшийся обычай и источник средств к существованию, а вторые заявляли, что рабство разрешено религией. После оглашения в 1855 году указа о запрете работорговли в Джидде произошли беспорядки, в ходе которых были разграблены дома иностранцев, а мекканские улемы потребовали изгнания из Джидды всех иностранцев, включая консулов, которых немного позже, в 1858 году, просто массово перебили.

Шариатское право не исключало возможность обращения в рабство представителей любой расы и этнической группы, так же как не лишало ни одну расу и этническую группу возможности добиться освобождения и социального успеха. Согласно исламу, который категорически отвергает национализм и ставит во главу угла благочестие перед Аллахом, смешение рас разрешено. С осторожностью принято было относиться только к бракам черных мужчин с белыми женщинами, терпимее — к бракам белых мужчин с черными женщинами. Некоторые защитники османской системы рабства утверждали, будто белые рабы добровольно обращались в рабство, что это якобы было обычаем некоторых народов и что таким образом они исполняли свою наследственную рабскую судьбу.

Когда в 1857 году британцы настаивали на прекращении торговли белыми рабами, министр иностранных дел Али-паша отвечал: «Так называемые рабы не являются рабами, поскольку большинство из них приехали в Стамбул по собственной воле!»

Утверждалось даже, будто эти рабы пришли на османские земли по собственной воле, радостно предвкушая собственную судьбу; мол, если бы их не забрали в качестве рабов в богатые дома, рабы погибли бы на войне или от голода и нищеты в своих странах.

В эпоху мамлюков, которые правили Сирией, Египтом и Хиджазом с 1250 по 1517 год и сами происходили из рабов, на Ближний Восток были завезены половцы (кыпчаки) и кавказцы, в основном мужчины, которых обобщенно называли «черкесы» (*аш шаракис*). Из этих воинов-рабов впоследствии в регионе сформировалась доминирующая каста так называемой белой элиты. Поскольку вторая династия мамлюков (1382–1517) состояла преимущественно из черкесов, в регионе укоренился нарратив о золотой эпохе, носившей название «Государство черкесов» (الدولـــة الشركســـية). Именно этот нарратив изначально способствовал увлечению черкесами и всем черкесским.

Высшие сословия готовы были платить дороже за рабов и рабынь того же происхождения, что и правившая ими черкесская династия. Этим пользовались работорговцы, выдавая за черкесов всех белых рабов, привезенных из черноморских портов. Образы ослепительно красивой черкесской женщины и доблестного черкесского воина прославлялись купцами, а гаремы пополнялись рабынями; так было и до Османской династии (1299–1922), и во все время ее правления.

Во время крымских набегов на польские, украинские и русские земли (1606–1617) в плен были захвачены, по официальным источникам, около 100 тысяч человек; в последующие годы масштаб набегов был не столь значителен, тем не менее они продолжались с ощутимой интенсивностью.

После завоевания Крыма Россией в 1783 году крымские ворота работорговли захлопнулись, и торговцы живым товаром устремились на Кавказ — в последний доступный для относительно легкой добычи регион. Вплоть до конца XVII века крымские ханы ежегодно забирали рабов у черкесских князей в счет оплаты налогов и отправляли их в Стамбул. Однако с начала XVIII века обращение кавказских племен в ислам привело к разногласиям по поводу такой практики, и в 1708 году трижды занимавший престол в Крымском ханстве Каплан I Герай (1678–1738) даже организовал экспедицию против торговавших соплеменниками черкесских князей.

Однако рабы с Кавказа, которых привозили на рынок беи-работорговцы, ценились по-прежнему очень высоко, и их количество на османском невольничьем рынке лишь росло, потеснив рабов балканского и восточноевропейского происхождения. Османские работорговцы работали с местными, а также феодалами и бандитскими шайками, связанными так или иначе с контрабандой людьми. К началу XIX века работорговцы Черкесии и Абхазии использовали для торговли живым товаром около 60 портов, преимущественно в устьях рек, впадающих в Черное море.